

Спенсер Герберт

Основные начала

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г37

Г37 **Герберт С.**
Основы начала / Спенсер Герберт – М.: Книга по Требованию, 2022. –
476 с.

ISBN 978-5-519-75084-4

ISBN 978-5-519-75084-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Это первый томъ серіи, программа которой была первоначально обнародована мною въ мартѣ 1860. Привожу здѣсь перепечатку этой программы.

Система философіи.

Мистеръ Гербертъ Спенсеръ предполагаетъ издать періодическими отдѣлами связанную серію трактатовъ, которые онъ уже нѣсколько лѣтъ готовить. Появленіе объ общей идѣи и о содержаніи этой серіи можетъ быть до нѣкоторой степени получено изъ слѣдующей программы.

Основныя начала.

Часть I. Непознаваемое. Здѣсь проводится ступенью дальнѣе ученіе, изложенное Гэмилтономъ и Мэнселемъ; показываются направленія, по которымъ науки ведутъ къ тѣмъ же заключеніямъ; показывается, что въ этомъ соединеніи въведенія въ абсолютъ, превышающій не только знаніе человеческое, но и человеческое пониманіе, лежитъ единственное возможное примиреніе науки и религіи.

Часть II. Законы познаваемаго. Изложеніе основныхъ началъ, обнаруживающихся во всѣхъ проявленіяхъ абсолютнаго, — тѣхъ высшихъ обобщеній, открываемыхъ нынѣ наукою, каждое изъ которыхъ охватываетъ не одинъ какой-нибудь классъ явленій, а *все* явленія, которыя и потому ключа ко всѣмъ классамъ явленій.

(По логическому порядку здѣсь должно было-бы слѣдовать примѣненіе основныхъ началъ къ неорганической природѣ. Но авторъ предполагаетъ пропустить этотъ великій отдѣлъ; отчасти потому, что и безъ него планъ стипендіи обширенъ, отчасти потому, что объясненіе органической природы по предложенному методу имѣетъ большую непосредственную важность. Итакъ, вторымъ трактатомъ предложенной серіи будетъ:)

ОСНОВАНІЯ БІОЛОГІИ.

Томъ I.

Часть I. Даныя біологіи. Здѣсь излагаются тѣ общія истины фзики и химіи, отъ которыхъ должна исходить раціональная біологія.

II. Индукція біологіи. Изложеніе руководящихъ обобщеній, установленныхъ

II

натуралистами вообще и въ частности физиологами и специалистами по сравнительной анатоміи.

III. Эволюція жизни. Здѣсь излагается теорія, известная подъ именемъ гипотезы развѣтлѣній. Приподается апіорическіи и апостеріорическіи доказательства основательности ея.

Томъ II.

IV. Морфологическое развитіе. Здѣсь показываются отношенія, повсюду находимыя нами между органическими формами и среднимъ уровнемъ связей, дѣйствующихъ на нихъ, и дѣлается попытка найти теорію органическихъ формъ въ накопленіи дѣйствій этихъ связей.

V. Физиологическое развитіе. Такимъ же способомъ излагается постепенная дифференціація функций, и объясняется, какъ результатъ этого, что общія части организмовъ подвергаются вліянію неодинаковыхъ группъ условій.

VI. Законы размноженія. Обобщенія, относящіеся къ пропорціи воспроизведенія разныхъ классовъ растений и животныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ попытка показать зависимость этихъ замѣненій отъ необходимыхъ причинъ.

Принципы психологіи.

Томъ I.

Часть I. Данные психологіи. Здѣсь рассматриваются общія связи между душой и жизнью и ихъ отношенія къ другимъ формамъ непознаваемого.

II. Индукція психологіи. Систематическое изложеніе тѣхъ относящихся къ психическимъ явленіямъ обобщеній, которые уже установлены эмпирически.

III. Общій синтезъ. Перепечатка этой части изъ «Основаній психологіи», уже напечатанныхъ мною, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ главъ.

IV. Спеціальный синтезъ. Перепечатка этой части изъ «Основаній психологіи» съ большими исправленіями.

V. Физическій синтезъ. Попытка раскрыть способъ, по которому преобладательность состояній сознанія слѣдуетъ основному закону нервной дѣятельности, происходящему изъ первыхъ основаній, изложенныхъ нами въ началѣ серіи.

Томъ II.

VI. Спеціальный анализъ. Эта часть уже издана; будетъ перепечатана въ томъ-же видѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ главъ.

VII. Общій анализъ. Эта часть уже издана; будетъ перепечатана съ объясненіями и прибавленіями.

VIII. Королларіи. Здѣсь между прочимъ излагаются производныя основанія, составляющія необходимое введеніе къ социологіи.

ОСНОВАНІЯ СОЦИОЛОГІИ.

Томъ I.

Часть I. Данные социологіи. Изложеніе нѣсколькихъ группъ факторовъ, участвующихъ въ произведеніи общественныхъ явленій, разсмотрѣніе человѣче-

скихъ мыслей и чувствъ въ необходимомъ порядкѣ ихъ эволюціи; окружающіи естественныя условія и постоянно уложивающіеся условія, порождаемыя самимъ обществомъ.

II. **Индукція социологій.** Общіе факты структуры и функций, получаемые обзоромъ обществъ и ихъ измѣненій; иначе сказать, эмпирическія обобщенія, получаемыя чрезъ сравненіе разныхъ обществъ и преемственныхъ фазисовъ одного и того-же общества.

III. **Политическая организація.** Общая и мѣстная эволюція правительствъ въ ея зависимости отъ естественныхъ причинъ, разные типы правительствъ и ихъ метаморфозы; возрастаніе сложности и специализація въ правительствахъ и постепенное ограниченіе ихъ функций.

Томъ II.

IV. **Церковная организація.** Изложеніе дифференціаціи религіознаго правительства отъ свѣтскаго; постепенныя усложненія религіознаго правительства и возрастаніе числа вѣроисповѣданій; развитіе и непрерывное видоизмѣненіе религіозныхъ идей, производимое развитіемъ знанія и измѣненіемъ нравственныхъ качествъ; и постепенное примиреніе этихъ идей съ истинами абстрактной науки.

V. **Организація обычаевъ.** Естественная исторія этого третьяго правительства, имѣющаго общій корень съ другими правительствами и постепенно отдѣляющагося отъ нихъ, дополняющаго ихъ и регулирующаго мелкія житейскія дѣла.

VI. **Промышленная организація.** Развитіе промышленныхъ и распределительныхъ дѣятельностей, рассматриваемое по прежнему со стороны его необходимыхъ причинъ, и состоящее не только въ постепенномъ раздѣленіи труда и возрастаніи сложности каждой промышленной дѣятельности, но и въ преобладанности формъ промышленнаго правительства, проходящаго чрезъ такіе-же фазисы, какъ политическое правительство.

Томъ III.

VII. **Прогрессъ языка.** Развитіе языковъ, рассматриваемое, какъ психологическій процессъ, опредѣляемый общественными условіями.

VIII. **Умственный прогрессъ.** Разсмотрѣніе его съ той-же точки зрѣнія: развитіе классификацій; эволюція науки изъ житейскаго знанія; прогрессъ ея отъ качественного опредѣленія будущихъ явленій къ количественному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному и отъ конкретнаго къ абстрактному.

IX. **Эстетическій прогрессъ.** Такое же разсмотрѣніе изысканыхъ искусствъ: изложеніе ихъ постепенной дифференціаціи отъ первобытныхъ учрежденій и другъ отъ друга; возрастаніе разнообразія ихъ при ихъ развитіи и ихъ прогрессъ относительно реальности выраженія и возвышенности цѣли.

X. **Нравственный прогрессъ.** Здѣсь показывается происхожденіе постепенныхъ видоизмѣненій чувства, происходящихъ въ человеческой природѣ при ея приспособленіи къ общественному состоянію.

XI. **Гармонія.** Здѣсь излагается необходимая взаимная зависимость устрой-

ства и функций въ каждомъ типѣ общества и въ преобладающихъ факторахъ общественнаго развитія.

ОСНОВАНІЯ ПРАВСТВЕННОСТИ.

Томъ I.

Часть I. Данные нравственности. Обобщенія, доставляемыя біологіею, психологіею и социологіею, служащія основаніями истинной теоріи практической справедливости; иначе сказать, элементы равновѣсія между организаціею и условиями жизни, составляющаго и нравственный идеалъ, и предѣлъ, къ которому ведетъ насъ прогрессъ.

II. Индуціи нравственности. Тѣ эмпирически установленныя правила чловѣческихъ поступковъ, которыя считаются существенными законами у всѣхъ цивилизованныхъ націй, т. е. обобщенія полезности.

III. Личная нравственность. Принципы поступковъ въ частной жизни, физическіе, умственные, нравственные и религіозные, проистекающіе изъ условий, необходимыхъ для полной индивидуальной жизни; иначе сказать, тѣ способы дѣйствій въ частной жизни, которые должны проистекать изъ уравновѣшенія внутреннихъ желаній и внешнихъ потребностей, составляющаго предѣлъ эволюціи.

Томъ II.

IV. Справедливость. Взаимныя ограниченія поступковъ людей, необходимо проистекающія оттого, что люди живутъ вмѣстѣ, какъ члены общества,—ограниченія, полное соблюденіе которыхъ образуетъ состояніе равновѣсія, составляющаго пѣлъ политическаго прогресса.

V. Отрицательная добрая дѣятельность. Тѣ вторичныя ограниченія, проистекающія изъ той же необходимости, которыми, будучи менѣе важны и не подчинены положительнымъ законамъ, нужны однако же для того, чтобы прелотвращать взаимное разрушеніе счастья косвенными способами; иначе сказать—мелкія самоограниченія, внушаемыя симпатіею, которую можно назвать нравственною.

VI. Положительная добрая дѣятельность. Она охватываетъ собою всѣ тѣ, внушаемые дѣятельною симпатіею, способы дѣйствій, при которыхъ чловѣкъ находитъ удовольствіе въ доставленіи удовольствій, —тѣ способы дѣйствій, которые порождены и должны постоянно обобщаться приспособленіемъ чловѣка къ общественному быту, и которые, сдѣлавшись всеобщими, должны довести до полноты возможную итру чловѣческаго счастья.

Я разсудилъ перепечатать эту программу по двумъ изображеніямъ: первое изъ нихъ то, чтобы читатели могли отъ времени до времени справляться съ нею о томъ, въ чемъ будетъ состоять содержаніе томовъ, паданіе которыхъ они будутъ ожидать; второе то, чтобы сохранился эскизъ плана, если планъ не будетъ выполненъ.

ЧАСТЬ I.

Непознаваемое.

ГЛАВА I.

Религія и наука.

§ 1. Мы слишкомъ часто забываемъ, что не только есть a soul of goodness in things evil, „душа добра въ дурномъ“, но вообще есть и душа истины въ ошибочномъ. Многие допускаютъ вѣроятность того, что ложь имѣетъ въ себѣ обыкновенно зерно реального, но немногіе помнятъ объ этой абстрактной вѣроятности, когда произносятъ сужденіе о мнѣніи другихъ. Убѣжденіе, окончательно найденное рѣзко разногласящимъ съ фактами, отбрасывается съ негодованіемъ или презрѣніемъ; и въ горячемъ антагонизмѣ почти никто не хочетъ поискать, тѣмъ же это убѣжденіе привлекало къ себѣ умы людей. А что-нибудь такое должно было быть въ немъ. И подобно предполагать, что это привлекавшее людей къ нему существовало чему-нибудь испытываемому ими; соответствие было, быть можетъ, очень маленькое или неточное; но оно было. О молвѣ, даже и самой нелѣпой, почти всегда можно доискаться, что она относится къ какому-нибудь дѣйствительному случаю; и если-бъ не было этого дѣйствительнаго случая, не могло бы возникнуть и нелѣпаго искаженія его пересказомъ. Изуродованный или увеличенный образъ, передаваемый намъ преломляющею средою молвы, очень непохожъ на дѣйствительность; но если бы не было дѣйствительности, не было-бъ и изуродованнаго или увеличеннаго образа. То же самое относительно мнѣній вообще. Они могутъ казаться намъ совершенно ложными. Но самое существованіе ихъ показываетъ, что они порождены фактами дѣйствительности, первоначально содержали и, быть можетъ, остаются еще содержащими въ себѣ какую-нибудь, хоть маленькую, долю истины.

Въ особенности можемъ мы смѣло принимать это относительно убѣжденій, существующихъ издавна и широко распространенныхъ; и наиболѣе смѣло относительно убѣжденій, существовавшихъ всегда и почти или вполнѣ всеобщихъ. Вѣроятность въ пользу того, что мнѣніе не совершенно ошибочно, возрастаетъ сообразно числу его приверженцевъ. Мы должны полагать, что жизнь невозможна безъ нѣкоторой соответственности между внутренними убѣжденіями и вѣшними обстоятельствами; и потому вѣроятности всегда въ пользу того, что данное убѣжденіе справедливо, если не вполнѣ, то хотя отчасти; слѣдовательно, мы должны полагать, что убѣжденія, которыхъ одинаково держатся многіе, имѣютъ, по всей вѣроятности, какое-нибудь основаніе. Устраненіе индивидуальныхъ ошибокъ мысли должно придавать получаемому въ результатѣ сужденію нѣкоторое увеличеніе цѣнности.—Можно сказать противъ этого, что многіе изъ широко-распространенныхъ мнѣній принимаются лишь по довѣрію къ авторитету; что люди, держащіеся ихъ, не дѣлаютъ никакихъ попытокъ проверить ихъ; а изъ этого можно вывести, что многочисленность приверженцевъ мало увеличиваетъ шансы мнѣнія оказаться справедливымъ. Но это не такъ. Если мнѣніе пріобрѣтаетъ широкую распространенность безъ критическаго разсмотрѣнія его, тѣмъ самымъ ужъ доказываясь, что оно имѣетъ общую сообразность съ разными другими мнѣніями принимающихъ его; а эти ихъ мнѣнія основаны на личномъ наблюденіи и сужденіи и потому даютъ косвенную гарантію истины мнѣнію, съ которыми гармонируютъ. Быть можетъ, эта гарантія имѣетъ мало цѣнности; но какую-нибудь цѣнность она все-таки имѣетъ.

Если мы можемъ достигъ опредѣлительныхъ понятій объ этомъ, они будутъ чрезвычайно полезны намъ. Для насъ важно составить себѣ, если возможно, нѣчто въ родѣ общей теоріи относительно господствующихъ мнѣній, чтобъ уиѣть цѣнить ихъ не выше и не ниже чѣмъ должно. Достиженіе до правильныхъ сужденій по спорнымъ вопросамъ очень много зависитъ отъ настроенія ума, какое мы сохраняемъ, слушая споръ или участвуя въ немъ; а чтобы сохранить надлежащее настроеніе ума, намъ необходимо узнать, насколько справедливы, и съ тѣмъ вмѣстѣ насколько несправедливы чловѣческія мнѣнія средняго уровня. Съ одной стороны, мы должны держаться свободными отъ предубѣжденія въ пользу общепринятыхъ понятій, выражаемаго афоризмами въ родѣ: „что говорятъ всѣ, то правда“, или „гласъ народа—гласъ Божій“. Съ другой стороны, раскрываемый обзоромъ прошлаго фактъ, что большинство обыкновенно было неправо, не долженъ заставлятъ насъ не видѣть дополнительнаго факта, что большинство обыкновенно было не вполнѣ неправо. Предохранять себя отъ этихъ крайно-

стей—необходимое условие для мышления въ общечеловѣческомъ духѣ; по-этому намъ полезно будетъ приобрести средство обезопасить себя отъ нихъ, сдѣлавъ оцѣнку мнѣній вообще. Для этого мы должны рассмотреть, какому обыкновенное отношеніе между мнѣніемъ и фактами. Сдѣлаемъ это на одномъ изъ тѣхъ мнѣній, которыя въ той или другой формѣ господствовали у всѣхъ народовъ во всѣ времена.

§ 2. Древнѣйшія преданія представляють правителей богами или полубогами. Первоначальные цари были считаемы своими подданными за существа сверхъестественныя и по ихъ происхожденію и по власти. Они имѣли божественные титулы; имъ воздавали знаки почитанія, подобные поклоненію предъ алтарями божествъ; иногда и дѣйствительно поклонялись имъ какъ богамъ. Если надобно доказывать, что качества боговъ или полубоговъ, первоначально приписывавшіяся монархамъ, приписывались имъ въ буквальный смыслъ, то доказательствомъ служить тотъ фактъ, что еще остаются дикіе племена, полагающія, что вождь и его родъ имѣютъ небесное происхожденіе, и другія племена, полагающія, что только у вождей есть душа. При мнѣніяхъ такого рода, существовали, разумѣется, и мнѣнія, что правитель имѣетъ неограниченную власть надъ своими подданными, безусловное обладаніе ими, простирающееся до права по произволу лишать ихъ жизни; какъ и остается это на островахъ Фиджи, гдѣ жертва стоитъ свободно въ ожиданіи быть убитою по слову своего вождя, и сама объявляетъ: „что говорить царь, то слѣдуетъ сдѣлать“.

Во времена, нѣсколько менѣ варварскія, и у племенъ, нѣсколько менѣ дикихъ, мы находимъ эти мнѣнія нѣсколько видоизмѣнившимися. Вмѣсто того, чтобы считать буквально монарха богомъ или полубогомъ, его считаютъ чловѣкомъ, имѣющимъ божественную власть или нѣсколько божественную природу. Но за нимъ сохраняются, какъ видимъ и теперь на востокѣ, титулы, выражающіе его небесное происхожденіе или родство, и его привѣтствуютъ формами и словами такими же смиренными, какъ тѣ, съ какими обращаются къ божеству. Жизнь и собственность его подданныхъ фактически находятся не такъ безгранично въ его власти, но теоретически такъ же считаются вполне принадлежащими ему.

При позднѣйшемъ прогрессѣ цивилизаціи, напримѣръ, въ средніе вѣка въ Европѣ, господствующія мнѣнія объ отношеніяхъ между правителями и подвластными подвергаются дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Теорія божественнаго происхожденія замѣняется теоріею божественнаго права. Король уже не богъ, или полубогъ, и даже не потомокъ божества; онъ теперь считается только намѣстникомъ бога. Формы смиренія въ обращеніяхъ къ нему ужъ не до-

ходятъ до крайности; и его священные титулы утратили многое изъ своего прежняго значенія, причѣмъ, его власть перестала быть безграничною. Подданные не признають за нимъ права располагать по произволу ихъ жизнью и собственностию, и подвластны ему лишь въ томъ смыслѣ, что повинуются его приказаніямъ.

Съ развитіемъ политическихъ понятій явилось еще большее ограниченіе власти государя. Убѣжденіе въ сверхъестественности природы правителя, давно отброшенное, напимъ, англичанами, оставило по себѣ только влеченіе у простолюдиновъ приписывать монарху необыкновенную доброту, мудрость и красоту. Вѣрность подданнаго, первоначально означавшая безусловную покорность волѣ короля, теперь означаетъ лишь чисто номинальное признаваніе своей подчиненности ему и соблюденіе нѣкоторыхъ формъ почтительности. Напимъ (англійская) политическая практика и напимъ политическая теорія равно отвергають тѣ прерогативы королевской власти, которыя прежде принимались за безспорныя. Низложили нѣсколько королей и поставили на ихъ мѣста другихъ, мы (англичане) подвергли отрицанію не только принадлежность тому или другому человѣку божественныхъ правъ управлять нами, но и то, что они имѣють какое-нибудь право управлять нами, кромѣ правъ, даваемыхъ согласіемъ націи. Наши формы рѣчи и наши государственные документы еще говорятъ, что граждане—подданные правителя; значеніе нашихъ дѣйствительныхъ мнѣній и ежедневныхъ дѣлъ нашей жизни противоположны этому. Мы повинемся только тѣмъ законамъ, которые составляемъ для себя самп. Мы совершенно лишили монарха законодательной власти, и немедленно возстали бы противъ проявленія ея царствующимъ лицомъ, хотя бы въ самомъ мелкомъ дѣлѣ. Словомъ: первоначальная доктрина почти совершенно исчезла у насъ, англичанъ.

Мы отвергли первобытныя политическія мнѣнія не тѣмъ однимъ, что перенесли власть съ самодержца на собраніе представителей. Нынѣшнія мысли о правительствѣ, какова бы ни была его форма, очень непохожи на прежнія. Демократическія-ль, деспотическія-ль, правительства въ древнія времена считались имѣющими неограниченную власть надъ своими подданными. Человѣкъ существовалъ тогда для пользы государства, а не государство для пользы человѣка. А теперь, не только воля государя замѣнена во многихъ странахъ волею націи, но и власть воли націи ограничена кругомъ, гораздо болѣе прежняго тѣснымъ. Въ Англіи, напимъ, хотя не установлено никакой опредѣленной теоріи, назначающей границы правительственной власти, на практикѣ поставлены ей границы, молча признаваемыя людьми. У англичанъ нѣтъ органическаго закона, который формально

объявлять бы, что законодательная власть не может по произволу располагать жизнью гражданъ, какъ дѣлали въ давнія времена цари, приносившіе гекатомбы жертвъ; но если бы англійская законодательная власть сдѣлала подобную попытку — случай, конечно, невозможный — результатомъ была бы погибель ея самой, а не гражданъ. Какъ твердо оградили мы (англичане) личные права подданныго отъ нарушеній ихъ государственною властью, быстро было бы доказано, если бы было предложено обратить актомъ парламента націю или какой-нибудь классъ ея на работу для общественныхъ дѣлъ, какъ брали народъ на работу первобытные правители. И если бы какой-нибудь государственный человѣкъ предложилъ перераспредѣленіе собственности, какое дѣлалось иногда въ древнихъ демократическихъ обществахъ, онъ встрѣтилъ бы тысячесутое отрицаніе власти государства надъ частнымъ имуществомъ. Не одни эти основныя права гражданина поставлены теперь въ безопасность отъ притязаній государства, но и многія, менѣе важныя. Давно вышли изъ употребленія законы, регулирующие одежду и образъ жизни, и всякая попытка оживить ихъ обнаружилась бы владычествомъ мнѣнія, что эти предметы находятся внѣ сферы контролированія законами. Уже нѣсколько вѣковъ мы (англичане) защищали на практикѣ, а теперь установили и въ теоріи право каждаго человѣка избирать самому для себя религіозныя мнѣнія, вмѣсто того, чтобы получать ихъ отъ государственной власти. Въ послѣднія десятилѣтія мы ввели у себя полную свободу слова, наперекоръ всѣмъ законодательнымъ попыткамъ уничтожить или ограничить ее. А послѣ того мы стали требовать и наконецъ получили, за немногими исключительными ограниченіями, свободу торговать съ кѣмъ намъ угодно. Такимъ образомъ, наши политическія мнѣнія очень далеко расходятся съ первобытными не только относительно того, кому собственно принадлежитъ власть управлять націею, но и относительно размѣра этой власти.

Перемѣна не ограничивается этимъ. Кромѣ тѣхъ среднихъ мнѣній, о которыхъ мы говорили, какъ о господствующихъ у насъ, существуетъ широко распространенное мнѣніе, идущее въ томъ же направленіи еще дальше. Есть люди, говорящіе, что кругъ власти правительства долженъ быть стѣсненъ еще больше, чѣмъ теперь въ Англіи. Ученіе позаго времени, что государство существуетъ для пользы гражданъ, въ такой значительной степени подорвавшее пражнюю теорію, что граждане существуютъ для пользы государства, должно быть по мнѣнію ихъ примѣнено къ жизни во всѣхъ своихъ логическихъ выводахъ. Они думаютъ, что свобода лица священна и должна быть ограничиваема только такою же свободою другихъ лицъ; что законо-

дательная власть не имѣетъ права подвергать ее никакимъ дальнѣйшимъ ограниченіямъ: не можетъ запрещать никакихъ дѣйствій, допускаемыхъ закономъ равенства свободы для всѣхъ, и не можетъ брать съ людей ничего, кромѣ необходимаго на расходы, требуемые охраненіемъ этого закона. Они говорятъ, что единственная функція государства — защищать людей другъ отъ друга и отъ иноземнаго врага. Во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ постоянно дѣйствуетъ очевидная тенденція расширять свободу лица и ограничивать функціи государства; потому, надобно думать, говорятъ они, что окончательнымъ политическимъ состояніемъ должно быть такое, въ которомъ до крайней возможности расширена личная свобода и уменьшена правительственная власть; то есть, такое, въ которомъ свобода каждаго лица не имѣетъ никакой границы, кромѣ такой же свободы всѣхъ, а единственная обязанность правительства — охранять эти границы.

Итакъ, мы находимъ въ разные времена и въ разныхъ странахъ очень несходныя мнѣнія о происхожденіи власти и кругѣ дѣятельности правительства; и перечисленные нами главные разряды мнѣній подраздѣляются на безчисленные виды. Какъ же думать о справедливости или ошибочности этихъ мнѣній? За исключеніемъ нѣсколькихъ варварскихъ племенъ, мысль, что монархъ — богъ или полубогъ, повсюду считается нелѣпостью, почти превышающею границу человѣческаго легковѣрія. Лишь въ немногихъ странахъ уцѣлѣло неопредѣленное представленіе, что правитель обладаетъ какими-нибудь сверхъестественными качествами. Изъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, которыя принимаютъ еще мысль о божественномъ правѣ правительства, почти всѣ ужъ давно отвергли божественное право государей! У другихъ вымираетъ мнѣніе, что въ постановленіяхъ законовъ есть нѣчто священное: законы начинаютъ считаться лишь результатомъ соглашеній. А крайняя школа думаетъ, что правительства не имѣютъ самобытной власти, и никакое соглашеніе не можетъ дать имъ ея; что они имѣютъ власть лишь для охраненія моральныхъ принциповъ, происходящихъ изъ существенныхъ условий общественной жизни. Должны ли мы сказать, что изъ этихъ разныхъ мнѣній съ ихъ безчисленными видоизмѣненіями только одно совершенно справедливо, а всѣ остальные совершенно ошибочны? Или мы должны сказать, что каждое изъ нихъ содержитъ въ себѣ истину, болѣе или менѣе закрытую заблужденіями? Анализъ принудитъ насъ принять вторую альтернативу. Какъ ни смѣшны могутъ казаться нѣкоторые изъ этихъ мнѣній людямъ, не воспитаннымъ въ нихъ, каждое изъ нихъ имѣетъ своимъ жизненнымъ элементомъ признаваніе безспорнаго факта. Прямо или косвенно, каждое изъ нихъ говоритъ о подчиненіи поступковъ отдѣльнаго лица общественнымъ надоб-